

Преодоление «схизиса»: в продолжение несостоявшегося диалога с Ф.Е. Василюком¹

В.А. Петровский*,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
petrowskiy@mail.ru

«Понимающая психотерапия» Ф.Е. Василюка — плоть от плоти ее создателя, человека всепроникающей деятельной эмпатии. Система взглядов Василюка «чувствительна» к другим системам, эмпатически сонастроена с ними, бережно возвращает им свое понимание. Василюк, описавший схизис двух психологий, научной и практической, не ограничился констатацией. Строя свою психологию, он выходит за границы собственной «понимающей психотерапии», обозначая и визуализируя многообразные скрепы, объединяющие науку и практику. Но выход за пределы частной психологической теории требует от исследователей поиска наиболее общих опор для построения интегральных моделей. С этих позиций мы рассматриваем здесь обманчивой простоты категорию «ощущение», отмечая ее значимость для уяснения сути центрального понятия «переживание» в теории Василюка, а также — для решения задачи интеграции. Отмечая существование безличных ощущений, не соотношенных с «Я», мы определяем переживание как ощущение, присутствующее в «Я». Таким образом, переживание как деятельность двунаправленно: может «вводить» ощущения в состав «Я» и «выводить» их за пределы «Я». Рассматриваются разные формы «Я» как «местожительства» ощущений в статусе переживания.

Ключевые слова: понимающая психотерапия, постнеклассическая персонология, схизис, эмпатия, ощущение, переживание, «Я».

Overcoming the Schism: Following a Dialog with F.Ye. Vasilyuk that Never Occurred²

V.A. Petrovskiy,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
petrowskiy@mail.ru

The method of Understanding Psychotherapy developed by Fyodor Ye. Vasilyuk is the flesh of the flesh of its creator who was an individual of the pervasive active empathy. Vasilyuk's system of views is 'sensitive' to other systems; it is empathically attuned to them, and it carefully re-endows them with understanding.

Для цитаты:

Петровский В.А. Преодоление «схизиса»: в продолжение несостоявшегося диалога с Ф.Е. Василюком // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 64–69. doi: 10.17759/chp.2019150107

For citation:

Petrovskiy V.A. Overcoming the Schism: Following a Dialog with F.Ye. Vasilyuk that Never Occurred. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 1, pp. 64–69. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150107

* *Петровский Вадим Артурович*, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доктор психологических наук, профессор, ординарный профессор, НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, Москва, Россия. E-mail: petrowskiy@mail.ru
Petrovskiy Vadim Arturovich, Doctor in Psychology, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor, Personality Psychology Chair, ordinary professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: petrowskiy@mail.ru

¹ Сообщение на Круглом столе «Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии памяти Ф.Е. Василюка» (1–3 ноября 2018 года, Москва: ПИРАО, МГППУ). Сохраняем стиль устного выступления.

² Report on the Roundtable Discussion at the International Conference on Counseling Psychology and Psychotherapy in Memory of F.Ye. Vasilyuk (November 1–3, 2018, Moscow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow State University of Psychology and Education). The style of oral presentation is preserved.

Vasilyuk, who described the schism between two – research and practical – psychologies, did not limit himself to the statement. In developing his psychology, he goes beyond the boundaries of his own ‘understanding psychotherapy’ by denoting and visualizing the diverse connections that unite science and practice. But researchers, venturing beyond the limits of a particular psychological theory, are required to seek the most common supports to construct integral models. From this perspective we consider here the category of sensation that possesses a deceptive simplicity, and note the role it plays in order to comprehend the essence of experience, the central concept in Vasilyuk’s theory, as well as in order to solve the problem of integration. While pointing out the existence of impersonal sensations that are not related to the I, we define experience as a sensation that is present in the I. Therefore, experience as an activity is bidirectional: it can ‘introduce’ sensations into the composition of the I, and ‘bring’ them beyond the limits of the I. Different forms of the I are described as ‘dwelling places’ of sensations with the status of experiences.

Keywords: understanding psychotherapy, post-non-classical personology, schism, empathy, sensation, experience, the I.

Федор Ефимович Василюк первым в России, а может быть, и в мире, обозначил – *означил* – кризис двух психологий: так называемой фундаментальной (академической) и практической (консультативной). Найденный им Знак (Метафора, символ) – узнаваем: «схизис». Это – и констатация, и оценка, и вызов к преодолению. Он первым об этом сказал, первым это осмыслил, первым поставил проблему. «Быть первым» – это вообще в его характере, что парадоксально сочеталось в нем с полным отсутствием амбициозности. Он не нуждался в том, чтобы выпячивать себя. Он, мне кажется, даже как-то держался в стороне от собственной славы, а она была уже при его жизни, и она не угасает сейчас.

Статья о схизисе была написана в 1990 г., опубликована на 6 лет позже [4]. В 1992 г. была опубликована статья «От психологической практики к психологической теории» [2]. Для меня значимы эти даты, потому что я сам писал о кризисе двух психологий, не зная о работах Федора Ефимовича, вводя понятие «общая персонология» («наука личности») и предлагая критерии синтеза. Сегодня я и мои коллеги говорят: «Постнеклассическая персонология». Но все это позже – начиная с 2001 года.

Итак, схизис! – точнее сказать невозможно!

Приведу иллюстрацию из своей статьи 15-летней давности, посвященной проекту общей (постнеклассической) персонологии [12]. О какой психологии мы говорим, произносятся такие слова: «Гипотеза», «Детерминизм», «Операционализация терминов», «Интерпретация результатов», «Хи-квадрат», «SCOPUS» (раньше этой оговорки, по Фрейду, не было)? – Ясно, что это понятия фундаментальной науки. Далее, «Свобода–Ответственность–Выбор», «Психотехнический миф», «Метафора», «Уникальность», «Понимание и принятие», «Рост личности изнутри» и т. п. Все это – из области консультативной психологии и психотерапии! Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат – все это разное. Психологи-практики и психологи-исследователи порой как бы не замечают присутствия друг друга. Раньше, говоря об этом,

я цитировал Александра Блока: «Там жили поэты, и каждый встречал | другого надменной улыбкой». Сейчас ситуация меняется. Во многом благодаря Ф.Е. Василюку.

Василюк не ограничился констатацией кризиса. Он строил *свою* психологию личности, в которой потенциально преодолевался отмеченный им самим кризис. *Его* психология личности – это не только *понимающая психотерапия*, обаяние и влияние которой столь велико, что порой затмевается осознание нами вклада *теоретика* Василюка в психологию личности как целое, его выдающаяся роль в формировании этого целого.

Формируя свой собственный взгляд, Василюк опирался на капитальную работу Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [6]. Предлагается парафраз: «Методологический смысл психологического схизиса». Идея не в том, чтобы упразднить фундаментальную психологию, но в том, чтобы обозначить связь между теоретическими построениями предшественников и практической деятельностью психологов-консультантов. Подчеркиваю это, так как встречал работы коллег, трактующих «Исторический смысл психологического кризиса» Выготского как своего рода реквием по фундаментальной психологии.

Оригинальный подход Ф.Е. Василюка к преодолению схизиса – это, на мой взгляд, проявление свойственного ему, как творцу, стремления к объединению, синтезу, поиску общего. Федор Ефимович, – что могли почувствовать многие, – человек всепроникающей деятельной эмпатии, и его «понимающая психотерапия» – плоть от плоти создателя ее; творимая им психологическая система чувствительна к другим системам психологии, она *понимает* также и то, что находится за ее пределами, моделирует в себе «другое» и эмпатически возвращает «другому» свое понимание.

Достаточно перечислить категории, понятия и схемы, предложенные Василюком [5], чтобы увидеть в них своего рода скрепы *психологической практики и психологической теории*: типология жизненных миров; типология единиц человеческой жизни; объединенная схема «психологических единиц»; модель регистров сознания и др.; классическое понятие переживания (со «звездочкой»*) и

переживание в значении «деятельности переживания» [1; 5]³ (рис. 1).

Для Федора Ефимовича, теоретика, практика, организатора, был очень важен союз «и». Понимал, что без искомого «и», все теряет смысл. В диалоге с Татьяной Дмитриевной Карягиной (по другому поводу) [6] он предлагал мысленный эксперимент. Известный сюжет — про «А» и «Б» на трубе. Необычный вопрос: что будет, если мы откажемся от союза «и»? Ответ: завалится «А», завалится «Б»...

И что ж остается? — Труба!⁴

Те модели, схемы, конструкторы, которые Василиук вводил и прорисовывал, предлагая неожиданные и притом хорошо запоминающиеся визуализации, обнаруживали в его построениях то самое «и»; они потенциально связывали между собой области фундаментальной психологии и консультативной психологии, изображенные на рисунке.

Однако — обратим на это внимание! — то были скрепы «сверху», объединение двух психологий через высокое, сложное...

Есть смысл, однако, озадачить себя вопросом: «Быть может, есть что-то простое, подхватывающее, объединяющее все эти области «снизу», некий базовый элемент искомого синтеза?»

Я попробовал бы назвать этот искомый элемент. Назвать сразу и очень простым словом, — но, боюсь,

вы улыбнетесь... Я могу защититься от этой возможной улыбки не слишком привычным словом — из тезауруса аналитической философии, — это будет слово «квалиа». Так, «красность» — это квалиа (часть субъективного опыта, не имеющего прототипа во вне). Мы не можем описать красность так, чтобы слушающий, никогда не видевший этого цвета, мог понять, о чем это мы...

Я мог бы также предложить греческое слово «анимум» и определить его как *элемент души*, но, думаю, у самих греков этого слова нет (надо проверить!). Все это — долгий разговор, но я спрямлю путь, хотя это и рискованно, — уж больно просто звучит.

В русском есть очень хорошее слово — «ощущение».

М. Хайдеггер, впрочем, подчеркивал, что нет ничего более сложного, чем простое. А ощущение — нечто «очень простое», но описать его сложно — не с чем сравнить! Ощущение ни на что не похоже, кроме себя самого. И вообще, классическая схема «S есть P» здесь явно «не проходит» (Гегель подчеркивал, что в таком построении S не тождественно P).

У Аристотеля, в его Учении о четырех причинах, я нашел некоторые опоры к определению ощущения. Я заметил, что все четыре аристотелевские причины уникальным образом «сходятся» в ощущении (материальная — «то, из чего»; формальная — то, «в форме чего»; действующая — «то, посредством чего»; и

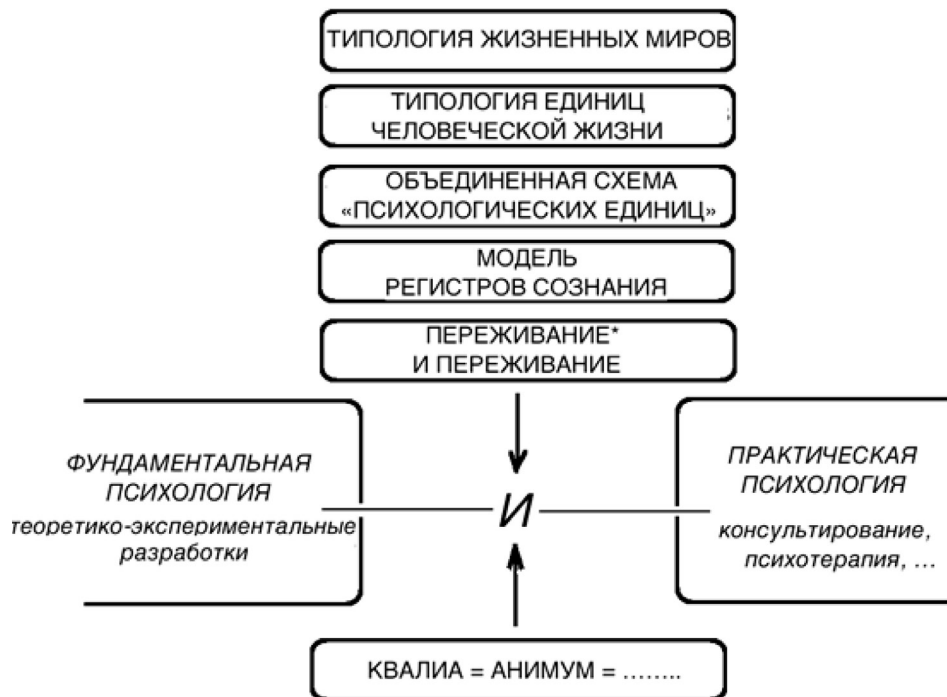

Рис. 1. Объединяющее «И»

³ Особое слово о переживании. Это был прорыв в психологии. В какой-то момент коллеги могли почувствовать себя современниками человека, который сделал открытие в психологии. И это открытие, конечно, роднило фундаментальную и практическую психологию, вписываясь в историю психологии переживаний. Сам Василиук в своих лекциях говорил о том, что, «хотя ни Фрейд, ни Линденман не занимались общепсихологической идеей переживания, они просто решали какую-то клиническую задачу и в связи с этим разрабатывали необходимые для этой задачи понятия, но в рамках истории мы можем приписать им заслугу развития процессуального мышления о переживании». Но, должен сказать, ни у Фрейда, ни у Линденмана категории переживания как деятельности в спектре многообразных ее (этой деятельности) проявлений не было. Это именно Василиук открыл. Отдадим ему должное!

⁴ На английский непереводимо. Простите.

целевая — «то, ради чего») [13]. Ощущение состоит «из себя». Оно находится внутри себя. Оно в феноменальном плане повторяет себя ежемгновенно. Оно существует в направлении себя (*продлевая* себя, существует *для* себя⁵). Ему как бы важно никогда не кончатся. Единство «частицы» и «волны». Ощущение — пролог к своему продолжению.

Положим, боль, пока она есть, — есть и не кончается. Если же боль, как мы говорим, *уходит*, то это тоже — особое ощущение; а «ушедшая боль» — это уже не боль. Ощущению всегда нужно *быть еще* — «для себя». Быть «для себя» и «длитель себя», т. е. существовать, продлевая себя, «для себя», применительно к ощущению, в сущности, то же самое.

Таким образом, ощущения — не просто единство четырех аристотелевских причин. Ощущения *самопричинны* в четырех аристотелевских смыслах слова «причина» («из чего», «в чем», «посредством чего» и «ради чего»); каждая из этих причин есть причина себя, *causasui*.

Вот такая «простая» вещь — ощущение!

Далее. «Ощущение» нечто *меньшее*, чем «чувствуемый смысл» Джендлина в экспериентальной психологии. Совершенно права Татьяна Дмитриевна Карягина, когда говорит, что «чувственные смыслы» Джендлина не могут быть переименованы «ощущениями» [6]. Ощущение, в отличие от «чувственных смыслов», — *наименьшее субъективное*.

А к нашей теме здесь относится соотношение ощущений и переживаний. *Не любое ощущение* есть переживание. Почему? Для этого должно существовать «Я», которому будет принадлежать ощущение. Василиук: «Мы не скажем, что “младенец переживал отнятие от груди”. Переживания — это бытие ощущений для “Я” — ощущение, *данное мне* (в ощущении принадлежности “Я”». *Переживаемое* ощущение — это ощущение в составе *соощущения*: само ощущение + ощущение его *принадлежности* «Я» (рис. 2).

... Много чего есть разного в моем феноменальном поле. Много я вижу сейчас «краем глаза». Но это не значит, что я переживаю то, что я вижу. Ощущение

должно «войти» в мое «Я», чтобы оно стало переживанием.

И здесь есть одна очень занятная вещь! Так как наше «Я» возникает не сразу, то случается, что ощущения — уже существуют, а «Я» еще отсутствует. Уже потом, в океане ощущений, из комбинации ощущений родится «Я» — как *культурно организованная форма*, объединяющая ощущения; но это произойдет после. Именно в этом плане, говорим мы, ощущение есть, но оно пока не является переживаниями (см. центральную часть рисунка).

Психология классическая, фундаментальная, повествуя о себе, традиционно начинала с категории «ощущение» (она и раньше и теперь апеллирует к «ощущениям»), правда, на мой взгляд, весьма примитивизирует эту категорию. Здесь перед нами тот случай, когда психотерапия — впереди. Она имеет дело с ощущениями, она обращается с ними как чем-то «своим», — рассматривая, насколько они проникают в «Я» и в какое (чье?) «Я» они проникают.

К примеру, базовый для психотерапии вопрос: «Что я чувствую здесь и теперь?», у Перлза, и не только у него, — это вопрос *переживаемости* ощущений, обогащения сферы переживаний за счет принятия в «Я» своих ощущений.

Такие процессы, как интроекция, проекция, проективная идентификация, определяют проницаемостью границ «Я—Ты» для ощущений; ощущения первоначально *ничьи*, но постфактум выступают как *мои* переживания или переживания *другого*, или еще — как ощущения, принадлежащие высшему, всеобщему «Я». В последнем случае, ощущение, ставшее переживанием, оказывается частью «того», кто находится *над* моим и чужим индивидуальным «Я». У Л.Н. Толстого: «Умереть, значит мне, частице любви, слиться с всеобщим и вечным источником». Такое развитие, мне кажется, ясно сознавал Василиук, когда говорил о тактиках и стратегиях переживания, об идеалах психотерапии.

По сути, «эмпатия», одно из центральных понятий понимающей психотерапии, характеризует про-

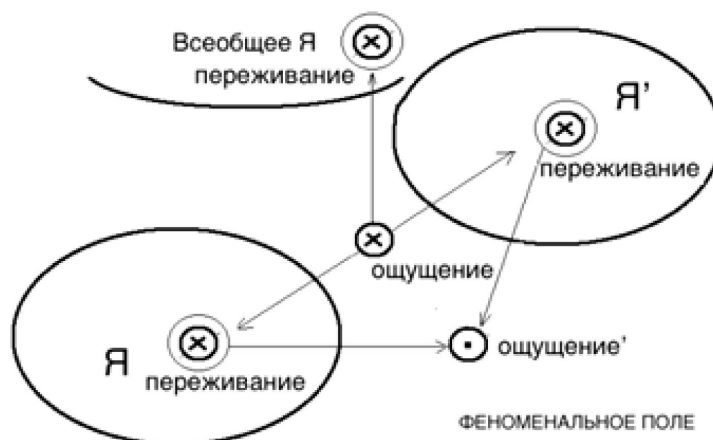

Рис. 2. Ощущение и переживание

⁵ Обратим внимание на дееспричастие!

цесс, обеспечивающий переадресацию ощущений из сферы моего «Я» в сферу моего «Ты», что способно частично уменьшить боль или «расчистить место» для новых переживаний, — светлых, продвигающих к разрешению проблемы⁶.

В процессе переживания, рассматриваемого, вслед за Василиюком, в качестве деятельности, наступает момент, когда ощущения, как засидевшиеся гости, наконец покидают территорию нашего «Я»: переживание оказывается вполне *пере-жито*. *Непереживаемые* ощущения возвращаются в океан ничьих ощущений, а их место в «Я» занимают новые ощущения, новые гости «Я», — новые ощущения. И таким образом, переживание как деятельность может заключать в себе два полюса — исключение из «Я» и вовлечение в «Я».

У Мартина Бубера есть два основных слова: «Я—Он» и «Я—Ты». Эти «слова» противоположны по смыслу. Однако, заметим, что иногда, применительно к ощущениям, эта противоположность упраздняется: одно из «слов» неотделимо от другого. Читаем у Пушкина «Я ей не *он*»; здесь «Он» не есть «Ты» и вместе с тем не есть «Он» в смысле Бубера. Или — пример, подсказанный мне В.П. Зинченко: «Кто-то говорит кому-то: “Ты для меня ничто”» (тоже ведь не «Он» и не «Ты», а пустота вместо них). У Хуана Хеменса встречаем: «Бабочка света, красота ускользает... а в руке остается одно ощущение бегства». Ощущение бегства не субъектно и не объектно. Однако оно объединяет в себе и то и другое. Перед нами феномены динамики ощущений, иногда приобретающих форму переживаний, иногда сбрасывающих с себя эту форму. Ощущение — условие синтеза «вещного» и «душевного», а в результате — объяснительной и понимающей психологии, экспериментальной и экспериментальной психологии личности, — словом,

психологии переживаний как целостной психологической системы, предложенной Василиюком и развиваемой представителями его школы.

«Чем точнее будет научное понимание психологических механизмов и законов, “срабатывающих” в процессе применения методики, тем более сознательно будет использовать их терапевт и тем больше его труд будет отличаться от сколь угодно изощренного, эффективного и даже творческого ремесленничества и превращаться в “научное искусство” (М.Е. Бурно), где свобода и отточенность действия обеспечиваются словом клинического опыта и теоретического знания» [3].

В заключение — несколько слов о Федоре как человеке. Кто-то из философов первым предложил использовать слово «амфибионт» не в биологическом смысле, а в антропологическом: это человек, принадлежащий двум стихиям: земле и небу. Прошло время, и слово «амфибионт» появилось в «Колыбели для кошки» у Курта Вонегута. Думаю, что эта метафора описывает многих моих коллег: психологов-исследователей и практикующих психологов. Формула синтеза двух психологий — в личности персонолога. Конечно, это прямо относится к Федору.

Однажды довелось мне беседовать с молодым человеком, священником, человеком необыкновенного обаяния. Я отважился на вопрос: «Скажите! Вот я по профессии психолог. Я консультирую людей. У меня много друзей психологов. Но в Вас есть нечто большее, чем “понимание и принятие” меня. Какое-то свечение, в котором я чувствую себя проясненным. Мне хорошо с Вами. Что это?» И он ответил мне: «Знаете, я тоже порой задумываюсь: что это? Может быть, это просто эмпатия?»

Общаясь с Федором, невольно задумываешься: «Эмпатия ли это? Или что-то еще?»

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
2. *Василюк Ф.Е.* От психологической пактики к психологической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15–32.
3. *Василюк Ф.Е.* Режисерская постановка симптома // Московск. психотерапевт. журн. 1992. № 2. С. 105–144.
4. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

References

1. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii) [Psychology of experiences (an analysis of overcoming critical situations)]. Moskva: Publ. Moskovskogo universiteta, 1984. 200 p.
2. Vasilyuk F.E. Ot psikhologicheskoi paktiki k psikhologicheskoi teorii [From psychological practices to psychological theory]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow psychoterapevtical journal], 1992, no. 1, pp. 15–32.
3. Vasilyuk F.E. Rezhiserskaya postanovka simptoma [A theatre director's portrayal of a symptom]. Moskovsk.

⁶ Не только категориальный синтез, но и глубокое экспериментальное исследование А.Н. Милостовой [10], выполненное под руководством Ф.Е. Василиюка и Ю.К. Зарецкого, — свидетельство вполне состоявшейся конвергенции двух систем психологии, «двух концептуальных схем: схемы анализа уровне-динамической организации творческого мышления и схемы режимов функционирования сознания. Напомню, что в этом исследовании экспериментатор включается в деятельность испытуемого с помощью психотерапевтических методов эмпатии, майевтики и кларификации. Удалось показать, что такая комплексная психотехническая поддержка значимо повышает продуктивность мыслительной деятельности. Грустно, что за долгие годы бытия *рядом* с Федором Ефимовичем и бытия *вместе* с ним мне так и не случилось обсудить результаты исследований, предпринятых мною с сотрудниками (феномен «личностной задачи» на фоне предметной [11; 14], техника парафразирования как источника стимуляции надситуативной активности испытуемых в постановке проблем [8; 9]). Мысленно продолжая несостоявшийся диалог, мы обращаемся не только к методологии синтеза понимающей психотерапии и постнеклассической персонологии, но и к фактам, полученным в *экспериментальной* психологии — в ее сближении с *экспериментальной* психологией и в плотном соприкосновении с психотехнической системой Василиюка.

5. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
6. Василюк Ф.Е., Карягина Т.Д. Личность и переживание в контексте экспириентальной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 3. С. 11–32. doi:10.17759/cpp.2017250302
7. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
8. Максимова С.В. Творческая нереализованность как источник школьной дезадаптации: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001. 25 с.
9. Максимова С.В. Творчество: созидание или деструкция. М.: Академический проект, 2006. 222 с.
10. Молостова, А.Н.. Психотехнический метод исследования и оптимизации мышления при решении творческих задач: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. 24 с.
11. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / М.: Рос. открытый ун-т.; ТОО «Горбунок», 1992. 224с.
12. Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион», 2003. С. 20–30.
13. Петровский В.А. Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 1. С. 63–78.
14. Шарага Я.В. Активность самопознания при решении интеллектуальных задач старшими школьниками // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 79–82.
- psikhoterapevt. Zhurn [Moscow psychoterapevtical journal], 1992, no. 2, pp. 105–144.
4. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa [The methodological meaning of psychological schism]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1996, no. 6, pp. 25–40.
5. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii analiz v psikhologii []. Moscow: MGPPU; Smysl, 2003. 240 p.
6. Vasilyuk F.E., Karyagina T.D. Personality And Experiencing In The Context Of Experiential Psychotherapy. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2017. Vol. 25, no. 3, pp. 11–32. doi:10.17759/cpp.2017250302. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Vygotskii L.S. Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa. *Sobranie sochinenii v shesti tomakh. Voprosy teorii i istorii psikhologii [The historical meaning of the psychological crisis. Collected works in six volumes. Questions of the theory and history of psychology]*. Luriya A.R. (eds.). Moscow: Pedagogika, 1982. 488 p.
8. Maksimova S.V. Tvorcheskaya nerealizovannost' kak istochnik shkol'noi dezadaptatsii. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch.st. kand. psikhol. nauk [The lack of creative implementation as a source of maladjustment in school. Ph.D Thesis]. Moscow, 2001. 25 p.
9. Maksimova S.V. Tvorchestvo: sozidanie ili destrukttsiya [A monograph on creativity as creation or destruction]. Moskva: Akademicheskii proekt, 2006. 222 p.
10. Molostova A.N. Psikhotehnicheskii metod issledovaniya i optimizatsii myshleniya pri reshenii tvorcheskikh zadach. Diss. ... kand. psikhol. nauk [A psychotechnical method in the research and optimization of thinking in solving creative problems. Ph.D diss.], 2010. 24 p.
11. Petrovskii V.A. Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti [The psychology of non-adaptive activity]. Ros. otkrytyi un-t. Moscow: TOO «Gorbunok», 1992. 224 p.
12. Petrovskii V.A. Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology as a personality science]. *Izvestiya samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Spetsial'nyi vypusk «Aktual'nye problemy psikhologii. Samarskii region» [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. A special issue "Actual problems of psychology"]*, 2003, pp. 20–30.
13. Petrovskiy V.A. Self: The Configuration of Artifact (Part One). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2014. Vol. 10, no. 1, pp. 63–78. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Sharaga Ya.V. Aktivnost' samopoznaniya pri reshenii intellektual'nykh zadach starshimi shkol'nikami [The activity of self-knowledge in solving intellectual problems by high school students]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1988, no. 4, pp. 79–82.